

В Зальцбурге, во Дворце фестивалей, проводится цикл «Великие симфонии». В пятом вечере цикла прозвучал Второй концерт для фортепиано с оркестром П. И. Чайковского — произведение удивительно талантливое, но редко исполняемое. Зальцбургским любителям музыки его представил известный советский пианист Виктор Ересько в сопровождении оркестра «Моцартеума» под управлением Леопольда Хагера.

Известно, что многие произведения Чайковского для соло с оркестром надолго закреплялись в репертуаре с изменениями и искажениями, внесенными в них исполнителями. Скрипичный концерт, например, в течение более чем полувека звучал с эстрады почти исключительно в редакции Л. С. Ауэра. Оригинальный текст «Вариаций на тему рококо», исправленный В. Ф. Фитценгагеном, удалось восстановить лишь в последние годы с помощью новейших криминалистических методов. Нелегкой оказалась судьба и Второго фортепианного концерта.

Редакция этого сочинения, ставшая почти канонической, принадлежит А. И. Зилоти. Серьезный музыкант, он, однако, в данном случае подошел к тексту сугубо прагматиче-

ски: сократил и перекроил партитуру, сделал ее удобнее для исполнения и... беднее по содержанию. (Особенно пострадала от купюр вторая часть, Andante, невыигрышная для солиста в некоторых эпизодах, но трудная в смысле «лепки формы»). Сколь ни са-

управлением Леопольда Хагера явилось подлинным триумфом музыки Чайковского: все критики отметили достоинства концерта, до сих пор незаслуженно остававшегося в тени. Х. Райшенбек, рецензент «Зальцбургер тагеблат», даже поставил Второй концерт (вот

се, «вместо привычной громогласной необузданности придает всему произведению лирическую одухотворенность... открывает в нем шубертовские отбросы мелодических ходы, — нечто вроде песен без слов»). «Его виртуозность, — отмечала «Зальцбургер фольксцайтунг», —...это виртуозность здорового и прочного свойства, особенно подходящая к характеру музыки Чайковского, у которого виртуозный элемент постоянно возникает из полноты жизнеощущения и живого движения мысли... Неделенный огромным исполнительским темпераментом, Ересько тем не менее сумел держать в узде свою необычайную исполнительскую энергию». «Пианист, — свидетельствовал Х. Райшенбек, — в равной мере восхищал как абсолютным совершенством виртуозной техники, так и силой образного воплощения (грандиозно прозвучала огромная канденция)».

И наконец, оценка «Зальцбургер фольксблат»: «Его исполнение отличали предельно точное выделение отдельных тем, ...хорошо продуманная динамика. Быстрая смена бархатных фигураций и подчеркнуто острых пассажей сложились в итоге в насыщенную, яркую трактовку, логичнее и увлекательнее которой трудно себе представить».

Дм. АЛЕКСАНДРОВ.

Чайковский на родине Моцарта

мокритичен был Чайковский в оценке своего дитища, такое вмешательство в самый замысел концерта его никак не устраивало. «Все, что ты мне советуешь, вероятно, очень практично, — писал он Зилоти в августе 1893 года, — но... авторское чувство возмущается против радикальных перемен». И тем не менее преодолеть этот практицизм оказалось совсем не просто: немногие пианисты отваживались играть его таким, каким он вышел из-под пера композитора.

Виктор Ересько стал одним из этих немногих. И сумел доказать свою творческую правоту. Его исполнение в Зальцбургском дворце фестивалей с оркестром «Моцартеума» под

что значит обаяние новизны!) выше Первого: «Трудно понять, почему это сочинение пользуется меньшей благосклонностью публики, чем Первый концерт, тем более, что речь идет в конечном счете о произведении более содержательном и уж во всяком случае менее заигранном».

Безоговорочное признание получил и Ересько-исполнитель. Характеризуя артиста как «типичного молодого представителя русского пианизма», рецензенты подчеркивали в его манере новаторский подход к музыке, чувство стиля, умение подчинить свою незаурядную виртуозность решению больших эстетических задач. Ересько, писал Петер Кос-